

5.8. «Ошибка Аспазии»

Наталья Шром

В начале 1930-х годов Рига благодаря максимально упрощенной процедуре расторжения брака приобрела печальную славу столицы мировых разводов. В центре дискуссии, развернувшейся на страницах русскоязычной газеты «Сегодня», оказалась и Аспазия как один из авторов самого либерального в Европе закона о семейном праве. Результатом общественной полемики стала переоценка итогов своей деятельности и дальнейшего пути многими участниками женских движений, в том числе и Аспазией. Актуальный для европейского общества вопрос о современном браке рассмотрен в статье как многоаспектная проблема на материале публицистических текстов газеты «Сегодня», а также художественных произведений рижских русских писателей (повесть и книга стихотворений А. Катковой, рассказ А. Даманской, комедия Лери, фельтоны Civis'a).

Я прочла в «Сегодня» статью о разводе крупной латышской поэтессы Аспазии, где она, как законодательница, искренне и емко признается в своих ошибках, говорит, что радужные перспективы оказались обманчивыми <...> А ведь сколько энергии и энтузиазма потратила она, утверждая равноправие полов, добиваясь, чтобы были сняты правовые ограничения, которые казались чисто внешними. Убрать их, поставить женщину в равные с мужчиной условия – и сразу расправит она крылья, станет вольной, гордой, счастливой. Все мы так думали.

(Тыркова 1932b, 2)

Реплика Ариадны Тырковой, журналистки, литературоведа, активного общественного деятеля, явилась одной из многих в ходе достаточно ожесточенной полемики, разгоревшейся в латвийском обществе в начале 1932 года вокруг проблемы развода, а именно вокруг ситуации, порожденной максимально упрощенной процедурой расторжения брака.

В дискуссии, развернувшейся на страницах русскоязычной газеты «Сегодня», прозвучало и мнение самой Аспазии. Она как один из авторов самого либерального в Европе закона о семейном праве призналась в идеалистичности своих взглядов десятилетней давности:

В то время нам казалось, что в недалеком будущем Латвия вступит в полосу расцвета народного благополучия, <...> мы полагали, что в свободной Латвии каждому гражданину и, конечно, женщине, будет обеспечена возможность добиваться средств к существованию. Но теперь, спустя десять с лишним лет, мы все, и в том числе я, убедились в тщетности всех мечтаний. (Аспазия 1932, 4)

Аспазия не случайно подчеркивает время принятия закона. Он был составлен – как заметил один из участников дискуссии, эстонский профессор А. Пийп –

в период процветания духа индивидуальной свободы, под большим влиянием либеральных течений женского движения, в стране преимущественно протестантской, где брак не является таким нерушимым таинством, как в странах католических. (Пийп 1932, 1)

Радикальным для своего времени латвийский закон о браке и разводе делал целый ряд положений.

Во-первых, в основу закона был положен территориальный (а не национальный) принцип: иск о разводе в латвийском суде мог предъявить любой житель Латвии, в том числе и против супруга, проживающего заграницей. Такие факторы, как место заключения брака и подданство разводящихся, в расчет также не принимались (см.: Берент 1932, 1), благодаря чему к началу 1930-х годов Рига превратилась в своего рода «бракоразводный центр Европы» и даже в «столицу мировых разводов», где можно было сравнительно несложным образом освободиться от брачных уз. Журналисты охотно упражнялись в производстве метафор, называя столицу Латвии «кузницей разводов», «раем для разводов», «брачным Эльдорадо». Ситуацию очень точно отражает популярный в это время в Европе анекдот: *Муж угрожает жене, отказывающейся дать ему развод: – Ax, так... хорошо, я еду в Ригу.* (Т. К. 1931, 8)

Во-вторых, в бракоразводном процессе не рассматривалась материальная сторона брака.

В-третьих, законодательные нововведения коснулись причин бракоразводного иска: теперь не нужно было доказывать вину супругов или одного из них, достаточно стало факта раздельного проживания в течение трех лет. Комментирующий это положение для читателей газеты «Сегодня» Б. Берент, на тот момент уже в прошлом министр юстиции Латвийской Республики, заключает: *Трехлетняя разлучная жизнь супругов <...> свидетельствует лишь о том, что брак на самом деле уже прекратился. Нет основания в таких случаях осуждать таких супругов на «вечную любовь» и «вечную верность», уже более не осуществимые.* (Берент 1932, 1) В качестве полемического возражения юридическим доводам в газете «Сегодня» публикуется рассказ Августы Даманской «В Ригу за разводом», в котором – как явствует уже из заглавия – речь идет о приехавших в Ригу для развода супругах, которые не видели друг друга

три года и уже запланировали новый брак, но в результате – после личной встречи и несмотря на трехлетнюю разлучную жизнь – разводиться отказались:

Французский депутат, директор крупной бумагопрядильной фабрики на западе Франции увез из Риги собственную жену, а несколько дней спустя в одной из рижских церквей состоялось бракосочетание художника Т. У. [любовника жены депутата – Н. Ш.] с Ольгой Мадле, на которой собирался жениться французский депутат. Адвокат тоже остался доволен: гонорар за потерянное время он получил. И так бывает. (Даманская 1932, 3)

Наконец, латвийский закон допустил развод по взаимному соглашению, благодаря чему

стал пользоваться заграницей славой большой радикальности в смысле облегчения разводов, расшатывающей якобы основы брака. С этим нельзя согласиться. Правда, в нашем законе введено положение, что развод может состояться и по соглашению сторон. Но ведь фактически это практикуется везде и в тех странах, где трудно получить развод, с той только разницей, что в таких случаях тяжущимися перед судом разыгрывается комедия. Так не достойнее ли и для суда, и для сторон в таких случаях допускать развод по соглашению. (Берент 1932, 1)

Латвийскому юристу вторит и его эстонский коллега, комментирующий сходный бракоразводный закон в Эстонии:

В последнее время все больше и больше разводятся по взаимному соглашению, ибо это происходит без всякого «скандального» привкуса, автоматически, точно и быстро. (Пийп 1932, 1)

Та скорость, с какой становится возможной расторгнуть брак, приводит к неутешительной статистике: к 1934 году Латвия после США, Австрии и Японии выходит на четвертое место по разводам (Сегодня 1934б, 4): *Число разводов в Латвии, как и во всей Европе, растет. В 1935 г. был расторгнут у нас 1931 брак против 1780 в 1934 г. и 1527 в 1933 г.* (Сегодня 1937, 11). Газеты публикуют не только ежегодные, но и более настораживающие общественность ежедневные статистические показатели: так, например, 3 августа 1932 «в один день развелись 80 пар» (Сегодня 1932б, 6); 25 октября 1932 года «разбиралось 40 бракоразводных дел» (Сегодня 1932а, 5); 29 мая 1934 года «было рассмотрено 66 бракоразводных дел» (Сегодня 1934а, 5). При этом отмечается, что инициаторами разводов в 80% случаев становятся мужчины:

Брак – это война, а развод – мирный договор, который кладет этой войне конец. Наименее воинственны и наиболее миролюбивы мужчины: очень многие из них вступив в супружескую войну, через некоторое время прилагаю все усилия к заключению мира, то есть к разводу. (Тасин 1931, 3)

В результате в основном «мужского миролюбия» в европейском обществе появляется особая социальная категория – разведенные женщины, которые в условиях общемирового кризиса образуют одну из самых незащищенных социальных групп. Неудивительно, что журналисты сопровождали свои статистические отчеты из залов суда такими комментариями, как *разведенные жены падали при выходе из залы суда в обморок* (Сегодня 1932а, 5). Фотографически точную зарисовку «развода по взаимному соглашению» оставила рижская писательница Александра Каткова в своей повести 1935 года «Современный брак»:

Когда я пришла в окружной суд, то публики было уже много. Я подошла к стене, на которой виднелось расписание всех назначенных разводных дел в очередном порядке. Всего значилось к разводу тридцать семь пар. Меня поразила эта цифра. Столько несчастных!.. <...> Что заставляло этих людей разводиться? (Каткова 1935, 34–35)

Каткова подтверждает сказанное юристом – все происходит автоматически и быстро:

Мы вошли в зал, в котором за длинным столом сидело несколько судей. Нам предложили стать у стола, каждому в отдельности. Я стала с левой стороны, а муж с правой. Первым допрашивали мужа. На вопрос председателя – не желает ли он примириться, муж ответил отрицательно. Председатель продолжал допрос. – Имеются ли у вас дети? – Не имеются. – Давно ли состоите в браке? – Четыре года. – По какой причине разводитесь? – Ввиду крайнего несоответствия характеров. Ввиду непонимания друг друга. Мы люди совершенно чужие. – Не одумались ли вы? – Нет, господин председатель. Прошу дать мне развод. <...> Затем последовал мой допрос в такой же форме. Мне пришло ответить почти то же самое. Итак, нас развели. <...> Развод по обоюдному соглашению длился не более десяти минут. Вмиг растворгалось то, что было налажено годами. (Там же, 34–36)

И хотя героиня Катковой освобождается – по ее собственному признанию – от человека с безграничной злобой, зверской невоздержанностью, злым коварством, недоверием и тиранством (Там же, 46), реакция разведенной жены, остающейся без средств к существованию, показательна: Слезы ручьем хлынули из глаз моих и я, никого и ничего не видя, ринулась вперед и выбежала на улицу. (Там же, 37) Если судить по

наивно-реалистической манере повествования Александры Катковой, в основе ее повести лежат факты и события личной жизни автора, то есть «Современный брак» можно рассматривать как своего рода эго-документ своего времени. Подобный вывод подтверждают и некоторые стихотворные тексты Катковой, включенные ею в сборник «Новая эра». В них разворачивается все тот же биографический сюжет:

Я так его любила
Безумной страстию своей,
И в узы брачные вступила,
Чтоб стать женой его скорей.
<...> ради ласки, я страдала –
И уступала ему сполна,
А сердце мleло дрожало,
Когда он бил меня спьна. <...>
Но вот, настал и день разлуки,
Когда расстались мы в суде,
Я пережила пытки, муки,
А он остался – навеселе.
(Каткова 1932, 33–34) [сохранена орфография автора – Н.Ш.]

Разводы в Риге, принявшие характер эпидемии, послужили поводом для появления в печати многочисленных анекдотов, фельетонов и карикатур:

Супруги, жаждущие отлепиться от жен своих ..., сыпятся в Латвию со всех континентов и только что не с луны. <...> Если у вас в Латвии не найдется охотника написать оперетку на столь хлебно плывущую в руки тему или, по крайней мере «ревю» с комическим маршем, выходом бесчисленных «дивор-саблей» – значит, на Западной Двине иссякло остроумie!.. Марш, в котором проходят Макс Рейнгардт, Эжен д'Альбер, леди Астор и пр., и пр., – да это не хуже выхода царей в «Прекрасной Елене». (Амфитеатров 1932, 2)

Ироническая идея Александра Амфитеатрова не осталась без воплощения. «Вакханалия рижских разводов» стала центральной темой в «злободневной комедии» Лери «Рига приспособилась», которая была сыграна в Рижском театре русской драмы в марте 1932 года. В этом «пестром калейдоскопе рижских злоб дня», Рига предстала перед зрителями как «город свободный, бракоразводный», где процесс расторжения браков поставлен на промышленную основу. Разводы в Риге становятся лейтмотивом, проходящим через все шестнадцать картин комедии. Кроме того, автор специально посвящает «рижской бракоразводной

промышленности» две сценки – «Бракоразводный оптовик» и «Развод просто так и развод по Рейнгардту». Элементарнейший вид рижского развода, так называемый «развод просто так», выглядит следующим образом:

Адвокат. Это примитивная форма развода, не требующая никаких расходов и затрат времени. Он совершается в два счета и в две минуты. Для такого развода необходимы только физические элементы в виде двух разводящихся супругов и пары настенных часов (*Вызывает Сторожа*). Дайте бракоразводные элементы! (*Сторож вносит настенные часы, стрелки которых показывают без двух минут двенадцать и вешает их на стену. – Адвокат садится за стол. – Входит разводящаяся пара и останавливается перед адвокатом*).

Адвокат (мужу). Вы жить с супругой не согласны?

Муж. Хочу развода – это ясно.

Адвокат. А вы?

Жена. Я на развод согласна!

Адвокат. Согласны оба? И прекрасно!

Порвите брачные же путы,

Разведены вы в две минуты! (*Показывает на часы, стрелки которых передвинулись на двенадцать. Оба супруга пожимают Адвокату руку и расходятся в разные стороны*). (Лери 1932, 28–29)

Основным объектом иронии рижских сатириков, как и предполагал Амфитеатров, стали, прежде всего, аморальные знаменитости, устроившиеся в Ригу за очередным разводом. Их приезд в Ригу немедленно обрастал слухами о подлинной причине визита в «страну легкого развода». Иногда слухи о разводящейся знаменитости были обоснованными – как в случае с композитором Эженом д'Альбером, который приехал в Ригу не только и не столько для концертных выступлений, сколько для расторжения своего шестого брака. Именно д'Альбер узнается в «бракоразводном оптовике» (Лери 1932, 32) – в персонаже комедии Лери, который везет в Ригу восемь жен, чтобы развестись с ними и сразу же жениться на девятой:

Чиновник. В город наш открыт вам вход –
Раз вам надобен развод.
В нашей Риге разведут
Вас буквально в пять минут,
А затем хоть через час
Вы женитесь еще раз.

Композитор. Еще раз! Еще раз! Еще раз!
Много раз

*Новый брак.
Еще раз! Еще раз! Еще раз!
Многое благ
Обещает развод.*

Чиновник. *Милости просим... такие люди нам нужны... (Там же, 11–12)*

Иногда подобные слухи были не только беспочвенными, но даже абсурдными, как в случае с теннисисткой Сюзанной Ленглен:

*Сюзанна, – вы примчались в Ригу,
Мы понимаем: для развода.
Мы разведем вас с мужем мигом,
И вы получите свободу!...
Но отвечала мисс Сюзанна
Для иностранки очень странно:
«Еще мне рано разводиться,
В виду того, что я девица!» (Civis 1932b, 5)*

Абсурдность ситуации до предела доводит Лери: персонажи его комедии – рижские дамы – узнают, что Рейнгардт привозит в Ригу Оффенбаха и понимают это совсем не метонимически: *Наверное, ... он тоже привез этого Оффенбаха разводиться.* (Лери 1932, 42)

В не меньшей степени, чем именитые латвийские гости, от пера остроумных фельетонистов «пострадали» и корыстные адвокаты, превратившие разводы в самый прибыльный латвийский бизнес:

*В Риге новые разводы
Создадут процессы,
И дадут они доходы
Большельна и леса. (Civis 1932a, 14)*

При всей привлекательности в качестве объекта для осмеяния проблема развода решалась в латвийской прессе не только средствами сатиры: *Вопрос о свободе брака слишком важен, чтобы разрешить его с легкой душой анекдотами.* (Амфитеатров 1932, 2) Латвийская общественность обсуждает расторжение брака как многоаспектную проблему, то есть смотрит на брак с правовой, государственной, общественной, идеологической, этической, культурной, наконец, физиологической точки зрения.

Чаше всего решение проблемы развода рассматривается как выбор меньшего из зол – каждый из участников полемики стоит перед сложной дилеммой:

*Что более человечно: смотреть на брак как на союз нерасторжимый, даже когда он несет с собой страдания унижения, обднение личности? Или бесстрашно рвать и снова вязать нити, пока не обвояются они вокруг единственного Ивана, единственной Мары? (Тыркова 1932а, 4);
Как найти тонкую грань, как не преступить границу, отделяющую потребность от блажи, свободу от блуда, разврата сменного брака. (Амфитеатров 1932, 2)*

Лейтмотив большинства выступлений – только нравственный закон внутри человека может решить проблему брака и развода, но рассчитывать на него в современном обществе не приходится. Подлинной причиной мировой вакханалии разводов является нравственная несостоительность современного человека и общественное падение нравов в целом. Об этом говорит и Аспазия:

В современной семье нет идеалов – нынешние отцы и матери не знают, в каком направлении и для чего воспитывать своего ребенка. Все интересы современной семьи ограничиваются лишь самыми узкими личными интересами. Прежние широкие общественные идеалы исчезли. (Аспазия 1932, 4)

Признав, что идеальный брак возможен между идеальными людьми в идеальном государстве, а это дело очень далекого будущего, общество ищет реальные пути выхода из сложной ситуации. Убежденные сторонники либерального гражданского закона о семейном праве вспоминают в это время о вековых традициях. Так, в эссе «Кривое зеркало» А. Тыркова рассказывает о своей недавней встрече с известной турецкой правозащитницей, министром просвещения в правительстве Кемаль-паши – Халиде Эдип:

Я как-то спросила Халиде Эдип – Вы довольны, что турецкие женщины сняли чадру? Ведь это вы помогли им эмансипироваться. К моему удивлению, ее выразительные зеленые глаза посмотрели на меня с упреком. – Не говорите мне об эмансипации. <...> Вы знаете, когда в Стамбуле сняли чадру, то какое-то совсем другое лицо стало у женщин. Или, может быть, и раньше было, да я не замечала! Только мне стало жалко тех прежних, милых, серьезных девичьих лиц в черной рамке. И многое другого стало жалко. Не хочу перечислять всего, – завершает Тыркова, – что ей захотелось остановить, вернуть, воскресить. (Тыркова 1932б, 2)

В начале 1930-х представительницы женских движений приходят к вынужденной переоценке принципов и итогов своей общественной работы, прежде всего, к переоценке отвлеченных принципов демократии, свободы, равенства и даже братства: *Если бы турецкая, латышская*

и русская писательницы [Тыркова имеет ввиду Халиде Эдип, Аспазию и себя. – Н. Ш.] собрались вместе и начали бы вслух подводить итоги своей общественной работы, многое нашлось бы общих переоценок. (Там же)

Основной темой для обсуждения всего латвийского сообщества в 1930-е годы остается государственная политика в сфере семейного права. Это время создания целого ряда утопических проектов, цель которых – исключить из брака случайность и поставить создание семьи на государственно-научную основу, что уменьшит саму угрозу развода. В 1932 году латвийцы включились в обсуждение проекта государственной монополии на посредничество в брачных делах, горячо поддержанного представительницами женских движений. Так, например, австрийка Эльза Таубер настаивала на *обстоятельной регистрации всех кандидатов и кандидаток на узы Гименея, причем о каждом и каждой необходимо будет собрать самые точные справки – не только о возрасте, внешности, материальном положении, но и характере, привычках, наклонностях – вплоть до тайных, тщательно скрываемых.* (Тасин 1932, 3) Проект этот так и остался на уровне проекта: его реализация осуществилась лишь на страницах газеты «Сегодня», в статье Наума Тасина, который с иронической логикой показал, как утопическая идея государственных брачных контор может быстро превратиться в самую мрачную антиутопию:

Я представляю себе эту будущую идеальную, по уверениям Эльзы Таубер, организацию так: за кандидатом на брачные узы устанавливается самое тесное наблюдение – чуть ли не пользуясь методами российского ГПУ. Особые, хорошо выдрессированные агенты втираются к нему в доверие, часто бывают в его обществе и вскрывают всю его подоплеку.<...> Человек весь как на ладони! Его разложили на составные части, анализировали, классифицировали. И вот приходит <...> кандидат на брак, которому приглянулась фотографическая карточка одной кандидатки. ... чиновник показывает ее досье, из которого явствует: 1) что ее прабабушка окончила дни свои в сумасшедшем доме 2) что в таком-то году она была близко знакома с таким-то господином 3) что в прошлом году с ней случился истерический приступ 4) что у нее несколько искривленный позвоночник и, наконец 5) что первые же роды могут стоить ей жизни. – Как видите, – сухо заключает чиновник, – она для вас не подходит. (Там же)

<...> Посредничество, что и говорить, – заключает Наум Тасин, – было бы идеальное. Боюсь только, что население стоном стонало бы от чудовищного ... шпионажа, которым, к тому же, можно было бы пользоваться и для других, отнюдь не брачных, целей. (Там же)

Еще одна идея минимизировать риск развода, объединив государственную власть с наукой, заключалась в увеличении возраста вступающих в брак: мужчины с 27, женщины с 24 лет. При этом предлагалось разработать средство, сдерживающее естественную для молодости сексуальность, прививку против рано пробуждающегося сексапиля. (Тасин 1933, 3)

В этом ряду иронический проект, с которым выступают персонажи комедии Лери, не кажется таким уж фантастическим:

1-я Дама. А по-моему, это совершенно незаконно, что они (иностранны) едут к нам только разводиться. Пусть бы правительство устроило такой закон, чтобы за каждый развод иностранцу нужно было бы непременно жениться на рижанке.

2-я Дама. Это же замечательная мысль. Душечка, вы же настоящий министр народного благополучия!

3-я Дама. Милочка, почему вы не рассказали Берте Пипинь [известная феминистка, первая женщина-депутат в Латвийском Сейме – Н. Ш.]? Пускай она проведет в Сейме и непременно по 81 статье, пока не разъехались иностранцы.

4-я Дама. Теперь в Риге битком набито иностранцами и нужно скорее добиться разрешить этот женский вопрос. (Лери 1932, 42)

Более рациональные и жизнеспособные идеи формируются в рамках «феминизма государственного обеспечения». В начале 1930-х годов по Европе проносится призыв: «Разводки всех стран, объединяйтесь!». Тогда же, следуя призыву, создается «Международная лига разведенных женщин» (1930). Отголоском этого события звучит реплика «бракоразводного оптovика» Лери, который советует своим женам после развода вступить в рижский «профессиональный союз безработных разводок». (Лери 1932, 32) Лига начинает отстаивать не равные права для женщин и мужчин, а особые права женщин. Например, Аспазия предлагает признать разведенных женщин пансионерками государства: *Если женщина будет обеспечена, тогда пусть брак продолжится хотя бы и один день.* (Аспазия 1932, 4) Но поскольку такой выход из сложной ситуации еще не принят, Аспазия выступает за изменение существующего закона о семейном праве и ратует за принятие законов, затрудняющих развод:

Хотя меня в Латвии и считают одной из наиболее либеральных женщин, но все же в данный момент я должна сказать, что упрощенные разводы нежелательны, и я не могу теперь стоять за них потому, что боюсь, чтобы женщины в борьбе за свои права не потеряли бы последние позиции. (Там же)

В 1932 году Аспазия четко осознает, что в европейском женском движении начинается новый этап и что она сама встает на новый путь – *от автории либеральных бракоразводных законов к убежденной стороннице борьбы за женское право.* (Там же)